

Международный круглый стол «Боспорское царство: актуальные проблемы истории, археологии, культуры»

© 2006 г.

С. Ю. Сапрыкин

НОВАЯ МИТРИДАТОВСКАЯ КАТОЙКИЯ НА БОСПОРЕ

Всякое свидетельство о древнем населенном пункте, доселе неизвестном или незамеченном в источниках, вызывает неподдельный интерес историков. Он становится еще более значительным, если дело касается Северного Причерноморья, где переплетались греко-римские и местные варварские традиции. Такого рода известиям принадлежит сочинение так называемого Равеннского Анонима, составленное в VII–VIII вв., в котором использованы источники более раннего времени. Согласно последним исследованиям, автор этого сочинения, которого условно именуют Космографом по названию труда – «Космография», использовал при его написании дорожные карты типа известной *Tabula Peutingeriana* или труд, выполненный на основе этой карты. В этом образце поздней периплической географической литературы содержится обширный раздел, посвященный Скифии и Сарматии, а также описание побережья Кавказа, Таврики, Нижнего Побужья, Поднепровья, Поднестровья и Подунавья, включая Припонтинскую Фракию. Несмотря на то что данный источник известен достаточно давно и ему со времен Т. Моммзена и Э. Киперта посвящено немало работ, те его части, в которых содержится перечень городов и поселений Боспорского царства и даже всего северного берега Понта, крайне редко привлекали внимание исследователей. Это во многом вызвано тем, что сохранные Равенским Анонимом названия очень сильно искажены и часто не имеют параллелей у других древних авторов, включая периплы Черного моря, географические описания Страбона, Помпония Мелы, Плиния, Птолемея, Дионисия Периегета и пр. Но наряду с весьма экзотическими и явно искаженными топонимами, что и вызывало скептицизм ученых, усматривавших в этом многочисленные ошибки средневековых переписчиков, в «Космографии» Равеннского Анонима имеются также названия городов, хорошо известные по трудам других античных авторов. К тому же, как сообщает сам Аноним, при написании раздела о Боспоре он использовал сведения Либания, сочинение которого не сохранилось, а при описании Скифии и Сарматии недошедший до нас труд некоего Сардония, авторов явно античных, скорее даже римского времени. Упомянутый Либаний назван философом, вероятнее всего, это ритор из Антиохии, живший в IV в. н.э. Позднеантичные писатели по обыкновению работали с более ранней литературой, в

том числе с периплами, морскими и дорожными картами. Конечно, ряд названий у Анонима явно искажены поздней традицией, ибо к тому времени вряд ли уже существовали, однако имеющиеся в тексте древние неискаженные обозначения заставляют с большим вниманием, чем до сих пор, относиться к передаваемым им сведениям.

Для нашего исследования важнейшее значение имеют свидетельства Равеннского Анонима о Боспорском царстве, сохранившиеся в книгах IV и V (далее – Rav. Anonym.). В первом случае (IV. 3) автор ведет описание Боспора, в котором, по его сведениям из Либания, было много городов, из коих он соблаговолил назвать лишь следующие: Ermonassa / Eteobroton / Suppatos / Fritiores / Dina / Ichigin / Ermogan / Teaginem / Acra / Sanabatin / Asandi / Cita / Nimfa / Abritani / Machara / Tatirita / Aumon / Malorossa / Machare / Chimerion / Panthuas / Ratyra / Murmicon / Cabalo / Salonime / Boristhenida / Olbiapolis / Capolis / Dori / Chersona / Theoiopolis / Careon / Trapezus. Во втором случае (V. 10), перечисляя от Равенны города Средиземноморья и Причерноморья, после Амастрии дается список городов и поселений на южном побережье Черного моря и в Колхиде, а на Боспоре упоминаются следующие: Appatura / Ceppos / Stratuclis / Malichi / Acbeon / Sindice / Ermonassa / Eteobrocon / Latirita / Supatos / Machara / Friciorin / Eraucionis / Bitrani / Chimerium. Далее, указав расстояние и количество городов от Амастры до Химериума, автор «Космографии» называет исключительно города Таврики, Северо-Западного и Западного Причерноморья вплоть до Месембрии. Из приведенного перипла для нас особую важность представляет упоминание топонима Machara, Machare, названного, как и все прочие, civitas – «город», «община».

Данное название места практически не нашло отражения и тем более объяснения в специальной литературе по Боспорскому царству. И это несмотря на то что Певтингерова таблица упоминает топоним Masara (Tab. Peut. VIII. 2), явно относящийся к тому же населенному пункту в Северном Причерноморье, что и Machara = Machare у Равеннского Анонима. В этом названии отчетливо прослеживается замена СН на С по типу Chimerion > Chimerium – Cimmerion, Cimmerium у Космографа, что объясняется, скорее всего, не совсем точным препарированием первоисточника. Ведь если следовать Плинию Старшему и его греческому источнику, то можно узнать, что азиатский Киммерик – Cimmerium, quod antea Chimerion vocabatur (Plin. VI. 18). Следует отметить, что ни у более ранних географов и писателей, ни у более поздних, таких, как Страбон, Арриан, Аноним, Дионисий Периегет, Маркиан и др., данное наименование не фигурирует. Это, возможно, послужило причиной некоторого пренебрежения к сведениям Равеннского Анонима о Боспоре в современной исследовательской литературе. Только в некоторых работах, посвященных «Космографии» и вообще географической традиции в древности, были сделаны попытки дать объяснение означенному названию. К. Миллер считал, что Masara = Machara и это могло быть искажением этнонима Mazarī – народа, получившего позднее наименование Παζινάκιται > Pazinacitae, т.е. пачинакиты, или печенегы (Const. Porhyr. De adm. imp. 31, 152 Вв и др.)¹. Такое объяснение, однако, неубедительно, так как Космограф перечисляет не племена, обитавшие в пределах Боспорского государства, а исключительно города и поселения городского типа. К тому же эти-

¹ Miller K. Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. 2 Aufl. Stuttgart, 1916. S. 619. Текст «Космографии» Равеннского Анонима здесь и далее приводится по изданию: Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 192–201.

мологически связать топоним *Masara-Machara-Machare* > *Mazari* и этноним *Pazi-pasitae* невозможно, трудно представить столь разные в своей основе этнонимы, относящиеся к одному и тому же народу. Да и можно ли вообще обнаружить какое-либо отношение пачинакитов-печенегов – народа, жившего в южнорусских степях в раннем средневековье, к боспорскому населенному пункту Махара-Махаре, существовавшему в античное время?

Иное толкование предложил Т. Пекканен. Он полагает, что название связано с обозначением острова Ахилла в устье реки Борисфен (Днепр) – *Macaron*, *Masara*, ссылаясь при этом на Плиния Старшего (Plin. IV. 93: *ante Borysthenem Achillea est supra scrippa [sc. insula], eadem Leuce et Macaron appellata...* – «перед устьем Борисфена лежит вышеупомянутый Ахиллов (остров), который также называется Белым и островом Блаженных»). *Macaron-Maxkápov* – форма родительного падежа множественного числа, относящаяся к названию острова Блаженных, т.е. Левки (Змеиный), в северо-западном секторе Понта Эвксинского напротив устья Дуная. Это связано с мистическими представлениями о потустороннем мире, олицетворяемым островом Ахилла на окраине Понта и эллинской ойкумены, где находился храм Ахилла Понтарха² – героя, особенно почитавшегося в Ольвии. Однако и эта гипотеза вряд ли справедлива: Ахиллов остров расположен очень далеко от Боспорского царства, в районе, который никогда ему не подчинялся. Этимология этого названия имеет больше отношения к Ольвии и Милету, чем к варварской окраине Боспора. Сам Ахилл был не столь почитаем жителями Боспорского царства, чтобы там могли назвать населенный пункт в честь его священного острова, бывшего к тому же под защитой не боспорских правителей, а ольвиополитов. Если даже это было бы и так, то городок поименовали бы не *Machara* > *Masara* > *Machare*, а скорее всего, как Ахиллий (это название на Боспоре известно – Strabo. VII. 4. 5; XI. 2; 6; Arr. Per. 66–69; Ptol. V. 8. 5; Steph. Byz., s.v.) или Левка по конкретному географическому обозначению острова³. Под объяснение этимологии этого названия у Т. Пекканена подходит только *Masara* Певтингеровой таблицы (*μάχαρ*, *-αρος* – «блаженный», «счастливый», одинаковая форма для мужского и женского рода, тогда название городка стояло в винительном падеже или звучало как иногда употреблявшаяся форма ж.р. *μάχαρα* (LSJ. s.v.) > *μάχα(τ)ρα* > *Masara*; *μάχαρις* – «блаженство», «счастье» с допустимым выпадением *ι* > *Μαχαρ(τ)ίς-Masara*), но никак не *Machara* и уж тем более *Machare*. Если это одно и то же название, то, скорее всего, надо подразумевать изначальную основу *μαχαρ-*, а не *μακαρ-*, с последующей заменой *Χ* на *Κ* (в латинской транскрипции *ch* > *c*, т.е. потерей *-h*) при переписке источника. Если при составлении Певтингеровой карты использовался местный боспорский источник или перипл, то замена *Κ* на *Χ* и обратно вполне объяснима. Она вполне уместна у Плиния, который пользовался более ранними греческими ис-

² Pekkanen T. The Pontic Civitates in the Periplus of the Anonym Ravennas // *Arctos. Acta Philologica Fennica*. 13. Helsinki, 1979. P. 123; Подосинов Ук. соч. С. 257.

³ Об острове Левке и его отношении к Ольвии см. IOSPE. I². 26, 325, 326, 672; о Березани-Борисфениде как священном острове Ахилла после утраты ольвиополитами контроля над Левке см. Шелов-Коведяев Ф.В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3. С. 58: слова эпитафии «о славный, радующийся волнам остров, который перед другими принял твою кровь, дитя Фетиды», впрочем, могут с таким же успехом относиться и к Левке, а не только к Березани. О святилище Ахилла на Змеином острове см. Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 18 сл. Об Ахиллии на Боспоре см. Saprykin S.Ju. *Achilleios kome* // *Lexicon of the Greek and Roman Cities and Place Names in Antiquity*. Fasc. 1. Amsterdam, 1992. P. 67; Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 338.

точниками, в том числе, вероятно, и боспорскими. Такая метатеза в боспорских надписях встречается уже в IV в. до н.э., но наиболее часто в I в. до н.э. – III в. н.э. (примеры см. CIRB. Add. P. 808).

Л. Диллеманн предложил еще более странную гипотезу: название населенного пункта Malorossa, которое стоит перед Machare в Rav. Anonym. IV. 3, следует, по его мнению, читать как Masore seu Machara⁴, но это вызывает очень серьезное сомнение. Ведь О.Н. Трубачев дал вполне обоснованное объяснение названия Malorossa⁵, что заставляет уверенно разделять эти пункты, считая их самостоятельными.

Итак, в науке до сих пор не выработано общего подхода к тому, как истолковывать происхождение загадочного топонима Masara > Machara > Machare, поэтому целью настоящей статьи мы видим попытку дать более или менее убедительное толкование означенному названию, раскрыть его местоположение и причины появления на географической карте Боспора.

Как следует из перипла Rav. Anonym. IV. 3 топоним Махара упоминается дважды в общем списке городов азиатского и европейского Боспора под двумя названиями Machara > Machare, греч. Μαχάρα, Μαχάραη vel. Μαχάρε. В первом случае топоним стоит после Нимфея и Абританы и перед Татиритой. Во втором случае после Татириты (о ней ниже) и ближе неизвестных Аумон и Малоросса, но непосредственно перед городом Химерион, в котором бесспорно можно усматривать Киммерик⁶. На Боспоре было два Киммерика – один традиционно локализуется на юго-востоке Керченского полуострова в районе горы Опук, другой на азиатской стороне Керченского пролива, на Тамани, в районе поселения Ильичевка. Хотя высказываются точки зрения, что Киммерик в географических сочинениях древности – это исключительно азиатский город, реколонизованный в IV в. до н.э. боспорскими тиранами⁷. Однако отрицать существование европейского Киммерика вряд ли правильно: раннее поселение на горе Опук дает материал VI в. до н.э. – I–III вв. н.э., а согласно Константину Багрянородному (De adm. imp. 53. 195), после херсоно-боспорских войн конца III – начала IV в. н.э. граница между владениями херсонесцев и боспорян проходила в районе Киберника, т.е. Киммерика (ἐν Κυβερνικῶν = ἐν Κιμμερικῶν), определено в Восточном Крыму⁸. На рубеже нашей эры и в римскую эпоху Киммерик на азиатской стороне пролива захирел, превратившись в кому (Strabo. XI. 2. 4–5), тогда как предполагаемый городок того же названия на горе Опук, если верить археологическим данным, наоборот, расцвел.

⁴ Dillemann L. La Cosmographie du Ravennate. Bruxelles, 1997. P. 91; Подосинов. Ук. соч. С. 257.

⁵ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 42 сл.

⁶ Подосинов. Ук. соч. С. 257, 258.

⁷ Завойкин А.А. Киммерика – полис на Киммерийском Боспоре // ПИФК. 1997. 4. С. 130–134.

⁸ Зеест И.Б. Раскопки Киммерика в 1947–1948 гг. // ВДИ. 1949. № 3. С. 92–101; она же. Разведочные работы в Киммерике // КСИИМК. 1949. XXVII. С. 52; Кругликова И.Т. Раскопки древнего Киммерика // Археология и история Боспора. Т. 1. Симферополь, 1952. С. 62–67; она же. Киммерик в свете археологических исследований 1947–1951 гг. // МИА. 1958. П. С. 253; о существовании на Боспоре двух городов под названием «Киммерик» см. Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin–Amsterdam, 1971. S. 36; Тохтасьев С.Р. «Киммерийская топонимия», I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 145, 146; очень удачно подметил, что уже Страбон был введен в заблуждение существованием на Боспоре двух одноименных Киммериев. Очевидно, эта ошибка попала и к Страбону, и к более позднему Равенскому Анониму из какого-то другого источника, где перечислялись боспорские города и поселения.

Если вернуться к Космографу, то после Химериума-Киммерика он перечисляет исключительно города Тавриды, начиная с Пантуаса-Пантикапея, Ратиры (Ratyrа, может быть, это искаженное Σατύρα с ошибочной заменой Σ на Ρ – искаженное название известного из Страбона «памятника Сатира» (Strabo. XI. 2. 7), кургана на Боспоре в память о Сатире I⁹, либо какое-то поселение, основанное Сатиром, одним из боспорских тиранов, называвшееся Ratyr(i)а с возможной ошибочной в латинской транскрипции заменой рядом стоящих букв греческого алфавита Σ на Ρ, т.е. (R = Σ)ατύρ(ι)α) и Мурмикона-Мирмекия. Пассаж из Rav. Anonym. IV. 3 любопытен тем, что Махара стоит перед Киммериком при перечислении городов с востока на запад. Если сравнить его с Rav. Anonym. V. 10, то Махара названа там исключительно среди городов азиатского Боспора и вновь перед Химериумом-Киммерием. Этот порядок соответствует положению городка или поселения Масага на карте Tab. Peut. VIII. 2, на которой оно помещено на побережье Меотиды ниже или южнее народа (племени) Сапатае (может быть, Zagatae, Chainides, Tanaitae?), сарматского племени сираков, аспургиан, аланов, рядом с В[...]ruani (Bruani etc. = Abritani / Britani / Bitrani в Rav. Anonym. IV. 3; V. 10) и восточнее Chimerium'a или азиатского Киммерия, города, по карте Певтингеровой таблицы расположенного восточнее Нимфея и Гермисия – полисов в Восточном Крыму. И Tab. Peut. VIII. 2, и Rav. Anonym. V. 10 определенно помещают Махару на азиатской стороне Боспора. Это означает, что двукратное упоминание ее названия в Rav. Anonym. IV. 3 могло быть вызвано тем, что источник Либания (или он сам) был введен в заблуждение существованием в Боспорском царстве двух Киммериев – на европейском и азиатском сторонах Керченского пролива. Ведь Киммерик служил ориентиром для локализации Махары как городок вблизи последней, и оттого Махара оказалась названной в перипле два раза. К тому же еще К. Миллер отмечал, что «Космография» Равеннского Анонима и Певтингерова таблица в перечислении городов Боспора и Крыма основывались на одном и том же источнике¹⁰. Существование двух боспорских Киммериев послужило причиной сбоя в перечне боспорских городов и путаницы в них у Либания или у его прямого источника, что отразилось в перипле Анонима из Равенны и привело к двукратному ее упоминанию в той части, где речь шла об европейском и азиатском Боспоре. А в том месте, где говорилось только об азиатском Боспоре, Махара названа всего один раз как населенный пункт на азиатской стороне Керченского пролива.

В пользу локализации Махары на кавказском побережье Боспора свидетельствуют другие топонимы, названные в перипле вместе с ней. Во-первых, это уже упоминавшиеся Abritani / Britani / Bitrani / Bruani. Стефан Византийский называет народ Ἀβριτανάι, Ποντικὸν ἔθνος (Steph. Byz., s.v.). Он явно имеет отношение к племени буртани, или бриттани, которое обитало позднее на юго-восточном побережье Меотиды¹¹. Того же корня этникон Λαβρύτης и производимое от него возможное название города или топонима Лабрис (греч. Λάβρις), как предполагают, так называлось Семибратнее городище в Сяндике. Порядок сонантов ее основы перекликается с названием другого населенного пункта в

⁹ Завойкин А.А. Памятник Сатира I на азиатском Боспоре (Strabo. XI. 2. 7) // ДБ. 2000. 3. С. 47 сл.

¹⁰ Miller K. Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten. Bd VI. Stuttgart, 1898. S. 21; см. также Подосинов. Ук. соч. С. 254.

¹¹ Трубачев. Ук. соч. С. 96; Подосинов. Ук. соч. С. 257; ср. Miller. Itineraria Romana... S. 619; Pekkanen. Op. cit. P. 123.

Синдике – Ἀβροάκη (Strabo. XI. 2. 10)¹². К этой группе топонимов примыкает и название Ετεοβροτον > Eteobrocon у Равеннского Анонима (IV. 3; V. 10), находившийся между Гермонассой и Суппатосом-Батами, т.е. в той же Синдике. Возможно, что это искаженное наименование Абораки или самостоятельного населенного пункта, о котором никаких дополнительных сведений, к сожалению, не имеется. В Rav. Anonym. IV. 3 Махара дважды упоминается по соседству с Татиритой, а в Rav. Anonym. V. 10 – сразу вслед за Этеоброкон, Латиритой, Суппатос-Батами на азиатском Боспоре. Tatirita явно перскликается с названием Latirita и, как считается, получилась из топонима Tiritaka с метатезой Ca-tirita и ошибкой в передаче C > T и C > L¹³. Полагаем, однако, что здесь, как и в случае с Киммериками, мы опять сталкиваемся с путаницей в названиях городов азиатского и европейского Боспора у авторов, источников Либания или самого Анонима: в этом названии явно присутствуют топоним «Тиритака» – город на западном берегу Керченского пролива, и этникон «лабриты» вместе с топонимом – названием Лабрис, Лабрита, относящимся к восточной стороне пролива (Tatirita > La-tirita > Λα-βρύτης > Λα-βρύτα(ι) > Λάβρυς). Следовательно, все топонимы, которые окружают в перипле название «Махара», в той или иной степени имеют отношение к Синдике и азиатскому Боспору, а это лишний аргумент в пользу локализации Махары в Синдике в районе Абораки, Лабриса, Бат.

Во-вторых, топоним Fritiores > Friciorin. В других источниках он не упоминается. Вот что пишет о нем А.В. Подосинов в комментарии к сочинению Равеннского Анонима: «Загадочное Fritiores, вероятно, то же самое, что Friciorin в V. 10 (локализуется в азиатской части Боспора). По мнению Т. Пекканена, названный там же следующий топоним Graucionis – повторение в искаженной форме топонима Friciorin. Возможно, следует сопоставить с Chritionis Певтингеровой карты (Segm. VIII. 3), упомянутой между Мсотидой и Черным морем. По предположению К. Миллера, находящаяся там же еле читаемая надпись Monim... может быть частью выражения Monimentum Chritionis или Brgytanis и означать “Памятник Британа” – брата боспорского царя Сатира II, умершего в 309 г. до н.э. При этом К. Миллер ссылается на аналогичные памятники, воздвигнутые на Боспоре Сатиром II и царицей Комосарией. По мнению Т. Пекканена, эта интерпретация “слишком гипотетична”»¹⁴.

Отождествление Эраукиониса с Фрикиорином в Rav. Anonym. V. 10 кажется нам все же сомнительным, слишком уж разные эти названия, похожие не по подбору сонантов, а лишь по созвучию. Между тем для объяснения топонима Fritiores > Friciorin можно было бы предложить следующее.

Согласно описанию Страбона, за Синдикой и Горгиинией вдоль моря идет побережье ахейцев, зигов и генихов, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как составляет уже часть Кавказа. Эти племена живут разбоем, в основном морским, используя для этого лады-камары, которые вмещали до

¹² Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // РА. 1993. № 2. С. 37; Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп // ВДИ. 2002. № 3. С. 17; Яйленко В.П. Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. 2004. 7. С. 440: λάβρυς – восточносредиземноморско-кавказский термин, обозначающий каменный топор или двойную секиру, символ царской власти, а само название города образовано от имени местного божества Λάβρυς. Однако в тексте надписи из Семибратнего городища говорится о «полисе лабризиян», что заставляет предполагать образование топонима не от имени бога, а от названия племени. Поэтому «лабрис» скорее лежал в основе образования этнонима, нежели топонима.

¹³ Pekkanen. Op. cit. P. 123; Подосинов. Ук. соч. С. 257.

¹⁴ Подосинов. Ук. соч. С. 255 со ссылками на: Pekkanen. Op. cit. P. 123; Miller. Itineraria Romana... S. 619, 620.

30 человек. Существовало предание, что эту Ахею (Ἀχαιοί) заселили ахейцы-фтиоты из отряда Иасона (Φθιώτας Ἀχαιοὺς). Евстафий в комментариях к Дионисию Перизегету, используя Страбона, говорит, что поселенцы основали Фтию в Азии, спутав, как считается, Азию с понтийской Ахайей (Eustaph. Comm. ad Dion. Periegr. 680). Ахейцам в их морских набегах помогали властители Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Затем они возвращались в родные места. Они подчинялись царям, признали власть Митридата Евпатора и помогли ему добраться до Боспора и укрыться там от Помпея (Strabo. XI. 2. 12–13; App. Mithr. 102). В легенде о переселении в Северо-Восточное Причерноморье ахейцев есть и рациональное зерно – существование в районе современного г. Туапсе населенного пункта Ахайя, именованного в разное время и как Ахейская гавань, и как порт ахейцев, и как кома Ахайя, и как древняя Ахайя. Хотя эта область до сих пор является медвежьим углом отечественной классической археологии, где регулярных раскопок не проводилось, эпизодические и разведочные обследования выявили существование в окрестностях Сочи и Туапсе поселений, которые дали исключительно греческий материал с VI в. до н.э. до IV в. н.э. Любопытно, что среди находок встречается немало вещей боспорского происхождения, что подтверждает сведения Страбона о заинтересованности боспорских владык в этом регионе и даже о возможном контроле с их стороны за состоянием дел у ахейцев, гениохов и зигов¹⁵. Нельзя исключать, что Ахея возникла на кавказском побережье Понта в ходе греческой колонизации в VI в. до н.э. и ее действительно заселили фтиоты из Фессалии, как указывает Страбон. Выходцы из Фессалии могли появиться в этом регионе вскоре после основания Гераклеи Понтийской, в котором они принимали участие и о чем сохранились отголоски в ее полисных институтах и названиях дочерних выселков на хоре¹⁶. Местная легенда об участии аргонавтов в основании Ахеи вполне укладывается в общеэллинскую мифологическую традицию связывать контакты греков с варварами и даже возникновение колоний на Понте и в Италии с плаванием аргонавтов¹⁷. Достоверность легенды об участии фтиотийских ахейцев в плавании к побережью Кавказа подтверждается тем, что среди аргонавтов были выходцы из Фтии в Фессалии (Apol. Rhod. I. 51–56; 94). Поэтому мы не отбрасываем предположения, что Fri-

¹⁵ Брашинский И.Б. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Античная история и культура средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 62–72; Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 61–71; об Ахайе на Понте см. Saprykin S.Ju. Achaia // Lexicon of the Greek... P. 58.

¹⁶ Burstein S.M. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkley–Los Angeles, 1976. P. 17, 21, 22; Saprykin S.Ju. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination. Amsterdam, 1997. P. 40. Предание о связи ахейцев с приплывшими к берегам Кавказа в страну варваров выходцев из беотийских Орхомен во главе с Иалменом после Троянской войны (Strabo. IX. 2. 42; Ps.-Scymn. 718–720; Anon. Periopl. 10) сложилось либо под воздействием гомеровской традиции, либо, что считается более весомым, под влиянием беотийцев, выселившихся в Гераклею Понтийскую (Asheri D. The Achaeans and the Heniochi: Reflections on the Origins and History of a Greek Rhetorical Topos // The Greek Colonisation of the Black Sea Area / Ed. G. Tsatskheladze. Stuttgart, 1998. P. 268). Косвенным свидетельством сохранения связей греков Восточного Причерноморья с соплеменниками из материковой Греции может служить уникальный клад монет Ахейского союза из Диоскурии, единственное место на Черном море, где эти монеты найдены: Абрамзон М.Г. Клад гемидрахов Ахейского союза из Диоскуриады // ВДИ. 2005. № 1. С. 63–66.

¹⁷ Placido D. Les Argonautes, entre l'Orient et l'Occident // Sur les traces des Argonautes. P., 1996. P. 56.

tiore > Frictiōrin – это какой-то городок или поселение на юго-востоке Боспора, название которого было связано с Фтией в Фессалии, т.е. он имел отношение к понтийской Ахайе, заселенной фтиотами в ходе греческой колонизации: Fritiores-Φθιώτιδος (vel. Φθιωτῶν, vel. Φθίης) ὄρος-Φθί(ω)ορος или Φθιῶ(τιο)ρος (cf. F(ri)tiore, с заменой О-Е). Frictiōrin могло быть искажением того же слова, но стоявшего в винительном падеже и взятого переписчиком из первоисточника без изменений. Затем при переводе в латинскую транскрипцию в нем опять появились ошибки, выразившиеся в том числе в замене того же О, но на этот раз на I, т.е. означенное поселение или местность именовалась «границей (или пределом земли) фтиотян». Это, вне сомнения, территория ахеян, граничившая на севере с юго-восточными владениями Боспора и даже временами подчинявшаяся его правителям. Если верить Страбону, это могла быть также одна из тех стоянок ахейцев, которые боспорские властители предоставляли им для сбыта товаров. Если следовать Равеннскому Анониму, то она могла находиться в гористой местности в окрестностях Новороссийска – древних Бат-Суппатоса (Патуца у Псевдо-Скилака), что объясняет упоминание этого пункта вслед за Гермонассой, Этеоброном-Аборакой? в Rav. Anonym. IV. 3. В перипле Rav. Anonym. V. 10 порядок городов такой: Гермонасса, Этеоброкон-Этеобротон-Аборака?, Латирита-Лабрита? Суппатос-Баты (все города в Синдике и рядом с Ахайей – sic!), Махара, Фрикиорин-Фритиорес, Абританы / Британы (сонантически перекликающиеся с Лабритой), Эраукионис и азиатский Киммерик. Это показывает, что интересующая нас Махара являлась городком или поселением в Южной Синдике на границе с областью ахеян, очевидно, недалеко от Бат.

Что могло послужить причиной появления городка на юго-восточной окраине Боспорского царства под таким названием? Первое, что приходит на ум, это явная связь его с именем Махара, сына царя Митридата VI Евпатора и его наместника на Боспоре и в Колхиде. В 80/79 г. до н.э. после Второй митридатовой войны, весьма успешной для царя Понта, тот, воспользовавшись установившимся кратким спокойствием в отношениях с Римом, вновь подчинил своей власти Боспор и назначил туда правителем одного из своих сыновей, Махара (App. Mithr. 67). В греческой огласовке это иранское имя звучало как Μοχάρης, следовательно, если допустить образование названия городка от имени Митридатова сына, то в греческом варианте он непременно именовался бы Μοχάρεια по типу того, как эллинистические правители называли основанные ими города и катойкии. Как правило, их названия женского рода, например, Φαρνάκης > Φαρνάκεια (город Фарнакия, основанный царем Фарнаком I ок. 183 г. до н.э. на границе Каппадокии Понтийской, Колхиды и Малой Армении); Εὐμένης > Εὐμένηα, Ἀττάλος > Ἀττάλεια, Ἀντίγονος > Ἀντιγόμεια, Ἀντιγονία – пергамские города-колонии и многочисленные основания македонских Антигонидов, главным образом Антигона Одноглазого и Антигона Гоната, ср. Ptol. III. 13. 38 – Antogonea Psaphara)¹⁸. В таком случае Machara – латинский эквивалент названия женского рода Μοχάρεια с характерным для Боспора стяжением дифтонга ει > ι и последующим его выпадением после ударной альфы: Μοχάρεια > Μοχάρ(ε)ια > Μοχάρ(ι)α > Μοχάρα, лат. Machara. А форма Machare образова-

¹⁸ Zahariade M. Antigoneia // Lexicon of the Greek and Roman Cities and Place Names in Antiquity. Fasc. 4. Amsterdam, 1998. P. 556–560; Об Атталлии и Эвмении и о строительстве новых городов пергамскими Атталидами см. Allen R.E. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxf., 1983. P. 20–24; Климов О.Ю. Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 123–126.

лась из сокращения $\text{Μαχάρε(α)} > \text{Machare}$ (по типу названия Фарнакии в монетной легенде города, см. WBR I². № 1–2: ΦΑΡΝΑΚΕΩΝ , $\text{ΦΑΡΝΑΚΕΙΑΣ} > \text{ΦΑΡΝΑΚΕ}$). Поэтому есть веские основания полагать, что городок или катойкия, а может быть, более характерное для Понтийского царства укрепленное поселение с введенным туда гарнизоном – φρούριον , получило название Махара оттого, что было основано по инициативе Махара, сына Митридата Евпатора, в бытность наместником отца на Боспоре и в Колхиде. Это означает, что Махара могла появиться на карте Боспора между 80 и 68 гг. до н.э., когда Махар занимал престол в Пантикапее.

Основание нового города с последующим присвоением ему имени правителя-основателя вполне укладывается в общеэллинистическую политику градостроительства вообще и конкретно в понтийскую практику строительства городов и укрепленных поселений. Строительство новых городов в Понтийском царстве началось уже при Фарнаке I, при котором появилась Фарнакия, основанная путем синойкизма бывших синопских колоний Керасунта и Котиоры и имевшая довольно обширную (до 20 км) хору (Strabo. XII. 17. 18; *Ag. Per.* 23–24; *Anonym. Per.* 33–36)¹⁹. Преемники Фарнака I продолжали эту политику, однако наиболее активно ее претворял в жизнь Митридат Евпатор, построивший ряд новых городов и поселений и превращавший ранее возникшие катойкии в полисы. В Понтийском царстве был основан город Лаодикея (совр. Ладик), которая чеканила свои медные монеты (WBR I². P. 114, 115. № 1–5. Pl. XII, fig. 15–17). Полагают, что город получил название по имени Лаодики, одной из многочисленных царич в Понте. Это могли быть и супруга Митридата III, селевкидская принцесса, и сестра Фарнака I и Митридата IV Филопатора Филадельфа, соправительница последнего, а позднее, после его смерти, правившая самостоятельно в конце второй четверти II в. до н.э.; город мог быть также назван либо в честь вдовы Митридата V Еввергета, матери Митридата Евпатора, также родом из селевкидского царского дома, либо для увековечивания имени Лаодики, сестры Митридата VI, дочери Митридата V, а быть может, и жены самого Евпатора, родившей ему ребенка в начале последней декады II в. до н.э.²⁰ Существует предположение, что в Понте было даже три города с таким названием, поскольку в современной топонимии Восточной Анатолии засвидетельствовано три места под наименованием *Lâdik*, которое этимологически восходит к древнему названию «Лаодикея»²¹.

Однако город, чеканивший монеты под названием «Лаодикея», был основан в правление Митридата Евпатора, поскольку его монеты принадлежат так называемой квазиавтономной чеканке городов Понта и Пафлагонии, введенной этим царем для видимости превращения их в автономные полисы. По классификации этих монет Ф. Имхоф-Блумера Лаодикея стала выпускать их ок. 120–

¹⁹ Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.–Л., 1956. С. 192; *Olshausen E., Biller J.* Historisch-Geographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und Armenischen Reiches. T. I: Untersuchungen zur historischen Geographie von Pontos unter den Mithradatiden. Wiesbaden, 1984. S. 156; *Саврыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. С. 83, 84.

²⁰ *Reinach T.* Remarques sur le décret d'Athènes en l'honneur de Pharnace Ier // BCH. 1906. Vol. 30. P. 51; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Vol. II. Princeton, 1950. P. 1068. Not. 6; *McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 7. Not. 26.

²¹ *Olshausen, Biller.* Op. cit. S. 144, 145; *Weimert H.* Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phänomen: Die antike Landschaft Pontos. Eine Fallstudie. Frankfurt am Mein, 1984. S. 78; *cp. Anderson J.G.* A Journey of Exploration in Pontus // SP. I. 1903. P. 79, 80: отождествляют город с крепостью Кизари > Икизари.

111 г. до н.э., затем была их наиболее активно в течение 111–90 гг. до н.э. (группы II–IV), резко снизив чекан ок. 80–70 гг. до н.э. (группа VI)²². Это показывает, что расцвет чеканки этого полиса приходится на то время, когда вдова Еввергета была заточена в темницу, а затем казнена, а сам Евпатор женился на Лаодике и в начале 110-х годов до н.э. она родила ему сына (Justin. XXXVII. 3. 4–5). Вряд ли молодой царь стал бы терпеть в своем государстве город, названный в честь ненавистной ему матери. Поэтому из списка возможных цариц, в честь которых мог быть назван город, с полным правом можно исключить Лаодику²³, мать Митридата Евпатора, казненную им в середине предпоследней декады II в. до н.э., а также его сестру Лаодику, выданную замуж за царя Каппадокии еще при отце, Митридате Еввергете, как, вероятно, и всех Лаодик, правивших до Митридата Евпатора. Это позволяет высказать предположение, что Лаодикей, которая чеканила монеты, это город, основанный Митридатом VI и названный в честь его жены Лаодики, второй его сестры с этим именем, до того, как она попыталась его убить в 109/108 г. до н.э., и он с ней развелся и затем казнил ок. 106 г. до н.э. А это означает, что Митридат Евпатор основывал новые города и давал им названия в честь членов своей семьи. Что касается других предполагаемых Лаодикей, то они действительно могли быть основаны до Митридата VI и названы в честь живших ранее цариц.

Но царь предпочитал все же давать новым городам названия, связанные с его собственным именем. При нем в Понте возникли два города под названием Евпаторий и один под названием Митридатий. Из них первый, основанный при слиянии рек Лик и Ирис, ко времени поражения Митридата от Помпея, т.е. к началу 60-х годов до н.э., был отстроен неполностью. Это говорит о том, что Митридат VI начал создавать этот город ближе к концу своего правления, вероятно, уже во время Третьей митридатовой войны, и вследствие понесенных поражений так и не успел его полностью заселить и обустроить. После бегства царя из Понта Гней Помпей в ходе своих преобразований на Востоке в 63 г. до н.э. увеличил население города и переименовал его в Магнополь (Strabo. XII. 3. 30; App. Mithr. 115; Plin. VI. 2. 6). Поскольку при понтийском владычестве Евпаторий не чеканил монету и был незастроен, а при римлянах получил полисные привилегии и дополнительную территорию, то можно полагать, что в составе Понтийского царства это был не город в полном смысле слова, а царское укрепление на царской же земле. Оно было выстроено для противостояния Лаодикее и Кабире, получивших вместе с правом чекана и некоторые ограниченные права автономии. Крепость выполняла те же функции, что и другие укрепленные поселения на царской хоре, построенные с целью контроля со стороны царской власти за эллинскими городами и местным населением, обитавшим в деревнях-комах. Евпаторий-Магнополь просуществовал приблизительно до 20 г. н.э., что подтверждает его важность как военно-политического центра, а не торгового и

²² Imhoof-Blumer F. Die Kupferprägung des Mithridatischen Reiches und andere Münzen des Pontus und Paphlagoniens // NZ. 1912. Ht 5. N. S. S. 169–192. Ф. Де Каллатай несколько завышает датировку понтийской городской меди, полагая, что монеты Лаодикей укладываются в пределы 100–85 гг. до н.э., но его схема пока еще предварительная и требует серьезного уточнения.

²³ Предположение Т. Рейнака, что Лаодикей стала резиденцией Лаодики, матери Митридата Евпатора, как город, обязанный ей своим появлением (Reinach T. Mithradates Eupator, König von Pontus. Lpz, 1895. S. 46) было отвергнуто Ф. Штэлином (Stahelin F. Laodike (29) // RE. 1924. Bd XII. 1. Hlbd 23. S. 708, 709).

экономического партнера соседних городов²⁴. Другой городок одноименного названия предположительно находился на хоре Амиса возле совр. Карасамсуна к западу от Амиса (совр. Самсуна), хотя у некоторых исследователей есть сомнения в его существовании²⁵. Третий город под таким названием был основан в Таврике после присоединения к Митридату Евпатору Херсонеса и побед Диофанта над скифами и таврами в самом конце предпоследней декады II в. до н.э., при этом туда, как и в другие основанные царем города, был введен гарнизон царских воинов (IOSPE. I². 352. Стк. 10; Strabo. VII. 4. 7; Ptol. VI. 2; Amm. Marc. XXII. 7. 10). К сожалению, местоположение этого Евпатория до сих пор точно не выяснено. Предположительно, он находился в окрестностях совр. Севастополя, где-то на северной его стороне или в районе Южной бухты, может быть, близ Инкермана²⁶, но вряд ли в Северо-Западном Крыму на городище Кара-тобе, против чего выдвигаются убедительные аргументы²⁷.

Митридатий представлял собой не город, а укрепление – τὸ φρούριον, основанное в Галатии. При Помпее его отдали местному правителю Богодиатару (Strabo. XII. 5. 2). Появление этих городов и укреплений-катоикий при Митридате Евпаторе диктовалось военными и политическими соображениями, в меньшей степени экономическими. Они предназначались для сбора дани и продовольствия для царских войск, контролировали обширные районы царской хоры, будучи часто центрами отдельных военно-административных областей, служили как для обороны от противника, так и для убежища местного населения, включая тех, кто рекрутировался на службу в войска. Как правило, за стенами укреплений квартировали царские воинские гарнизоны. Они помогали царю удерживать в повиновении не всегда покорные эллинические города, получившие при нем же некоторую долю политических привилегий и самостоятельности²⁸. Аналогичные цели стояли и при строительстве укрепленных поселений в присоединенных Митридатом Евпатором землях Северного и Восточного Причерноморья, в основном на Боспоре и в Колхиде.

Когда в начале последней декады II в. до н.э. Боспорское царство стало частью владений Митридата VI, там продолжала существовать система полисных земельных отношений, ибо основные города сохраняли свою хору. Однако Боспор и Колхида были присоединены к Понту в качестве наследственных владений и по положению не отличались от статуса родовых царских земель в Каппадокии Понтийской, Пафлагонии и Малой Армении. Когда Митридат в годы

²⁴ Ruge W. Eupatorium // RE. 1907. Bd VI. S. 1161; Anderson. Op. cit. P. 75, 76; Magie, Op. cit. P. 1213. Not. 33; Jones A.H.M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxf., 1937. P. 160; Olshausen, Biller. Op. cit. S. 128; Weimert. Op. cit. S. 30, 31.

²⁵ Ruge. Op. cit. S. 1161; Magie. Op. cit. P. 1211. Not. 26; Jones. Op. cit. P. 423. Not. 24; Olshausen, Biller. Op. cit. S. 129.

²⁶ Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 216, 217 и все известные на этот счет точки зрения.

²⁷ Раевский Д.С. О местоположении Евпатория // ВДИ. 1968. № 3. С. 120; Vnukov S.Ju. The North-Western Crimea: An Historical-Archaeological Essay // The North Pontic Archaeology. Leiden, 2001. P. 168; Vinogradov Ju.G. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 493–500; аргументы против этой точки зрения см. Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 133; Кутайсов В.А. Керкинтита в античную эпоху. Киев, 2004. С. 130.

²⁸ Сапрыкин С.Ю. Особенности земельных отношений в Понтийском царстве Митридатидов // Acta Centri Historiae «Terra Antiqua Balcanica». Vol. I. Sofia, 1986. P. 113–120; он же. Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 100 сл.; он же. Понтийское царство. С. 220–247.

Первой митридатовой войны перенес резиденцию в Пергам, его наместником в Понте, Пафлагонии и на Боспоре стал его сын Митридат Младший. После неудачи в войне с римлянами и унижительного Дарданского мира 85 г. до н.э. ряд греческих городов и местных племен, в том числе на Боспоре и в Колхиде, отвернулись от Митридата Евпатора, и ему пришлось даже силой восстанавливать там свою власть. Царь назначил в Колхиду наместником Митридата Младшего, тем самым объединив наследственные боспорский и колхидский домены. Однако заподозрив вскоре своего сына в измене, царь призвал его к себе, заковал в оковы и казнил, что произошло в 83–81 гг. до н.э. (Plut. Sulla. 11; App. Mithr. 64). После этого он дал боспорцам в цари Махара, другого своего сына (App. Mithr. 67), ему же, вероятно, достались и владения в Колхиде²⁹, т.е. он получил все то, что было у его брата Митридата Младшего.

Правление на Боспоре сыновей Митридата Евпатора стало возможным в результате превращения его территории в наследственные земли Понтийского царства, что стимулировало отход от поддержки царем полисной структуры землевладения и переход к созданию царской хоры, т.е. к формированию царского землевладения. Царь и его сыновья-наместники поощряли привлечение местного населения как военно-хозяйственных поселенцев на царской земле, вели для этого строительство укрепленных поселений типа катойкий и клерухий, что было призвано укреплять границы Боспора от еще непокорных варваров, содействовать развитию земледельческого производства для поставок продовольствия – зернового хлеба для понтийской армии и сбору налогов с подвластного населения. Не менее важной задачей было, как в Понте и Пафлагонии, осуществлять контроль за греческими городами, которые после событий 85–83 гг. до н.э. считались ненадежными, их политические привилегии следовало теперь ограничить, а земельные владения и доходы перераспределить в пользу царской хоры. Мы вряд ли будем неправы в том, что строительство новых городов, катойкий и укрепленных поселений стало активно проводиться в жизнь как раз в годы наместничества Махара. Ведь он специально был поставлен на Боспоре в 81 г. до н.э. тотчас после попытки отпадения греческих городов и части населения хоры, чтобы приглушить существовавшие у них прежде полисные свободы, которые могли во многом повлиять на мятежные настроения греков. А усиление царской хоры³⁰ и стабилизация в царстве, вызванная ужесточением царского контроля, содействовали организации похода против соседних ахейцев, живших выше Колхиды и не всегда поддерживавших Митридата Евпатора (App. Mithr. 67).

Первый поход против них в 81–80 гг. до н.э. оказался неудачным, однако к 74 г. до н.э., перед Третьей митридатовой войной, ахейцы и гениохи стали союз-

²⁹ Шелов Д.Б. Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 55–60; ср. Minns E. Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 587; Молев Е.А. Политическое положение Боспора в составе Понта // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2001. Вып. 7. С. 92.

³⁰ Saprykin S.Ju. Greek Cities and Rural Settlements of Bosphorus under the Successors of Mithridates VI // Colloquenda Pontica: Greek and Roman Settlements on the Black Sea Coast. Bradford, 1994. P. 43–57; *idem*. Bosphorus on the Verge of the Christian Era (Outlines of Economic Development) // TALANTA. 2000/2001. 32–33. P. 91; Сапрыкин С.Ю. Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатидов // Античный мир – Византия. Харьков, 1997. С. 200; *он же*. Понтийское царство. С. 282–285; *он же*. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 30; ср. также Масленников А.А. Эллинская хора на краю ойкумены. М., 1998. С. 127.

никами понтийского монарха (*ibid.* 69). После его отступления на Боспор в 66–65 гг. до н.э. ахейцы снова выказали нерасположение, но были обращены в бегство (*ibid.* 102) и, вероятно, опять перешли на его сторону, если верить сообщению Страбона о поддержке ими Евпатора во время его отхода в Пантикапей (*Strabo*. XI. 2. 13)³¹. Как бы то ни было, позиции понтийцев в стране зигов, генихов и ахейцев были непрочными³². Поэтому основание катойкии или укрепленного поселения близ этих мест было стратегической необходимостью для царя Понта и его сына, правителя Боспора и Колхиды. Оно специально строилось при деятельном участии самого Махара в южной части Синдики на границе с землями ахейцев, так как позволяло не только контролировать участок побережья в Северо-Восточном Причерноморье от Синдики до Туапсе и Диоскурии, но и осуществлять коммуникации между Боспором и колхами, над которыми он правил³³. Скорее всего, Махару основали как военно-хозяйственное поселение вскоре после прихода Махара к власти, т.е. перед походом Митридата Евпатора на ахейцев в 81–80 гг. до н.э., поэтому она была названа его именем и вошла в источники под названием Μοχάρεια-Machara-Machare. Новая крепость в Синдике должна была ограничить пиратские нападения ахейцев, зигов и генихов на юго-восточные границы Боспора, обезопасить морские и сухопутные пути в этом регионе, связывавшие Пантикапей и азиатский Боспор с Колхидой и Юго-Восточным Причерноморьем, т.е. с родовыми владениями понтийского царя.

Основание Махары на Боспоре стало прямым следствием активной градостроительной политики понтийского царя Митридата VI, направленной, с одной стороны, на эллинизацию подвластных земель, а с другой – отвечало его основной задаче укреплять царскую хору и привлекать местное население в качестве военных и хозяйственных поселенцев.

Археологические исследования наглядно подтверждают существование в окрестностях Анапы и Новороссийска (древних Горгиппии и Бат) целой сети укрепленных поселений как раз в годы правления Митридата VI и его сына Махара. Здесь выявлены различные поселения и крепости, среди которых обычные автономные прямоугольные постройки с мощными оборонительными стенами и оградами, построенные на визуальном расстоянии друг от друга и составляющие цепь укреплений, отделяющую Синдику от ненадежных ахейцев и их соседей (Рассвет, Анапская, Натухаевская, Владимировка, Цемдолинское и др.). В этом районе существовали и более крупные укрепленные поселения, такие, как Мысхако, Малая Земля, Широкая балка, Раевское городище, Семибратнее городище и др. Все они представляли собой военно-хозяйственные поселения, в которых обитали эллинизированные варвары, занимавшиеся военным делом, торговлей и земледелием. По археологическому материалу, среди которого находки керамики, оружия, монет митридатовского и боспорского чекана, бронзовых статуэток, в том числе и понтийско-боспорского круга, возникновение многих из них и активное их функционирование приходится как раз на рубеж II–I вв. – первую четверть – середину I в. до н.э. –

³¹ Reinach. Mithradates Eupator... S. 68; McGing. Op. cit. P. 62; Asheri. Op. cit. P. 275–278; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 275.

³² Shelov D.B. Le royaume pontique de Mithridates Eupator // JdS. 1982, juillet-décembre. P. 263; Воронов. Ук. соч. С. 69–71; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 275.

³³ Ранее это делал боспорский царь Евмел (см. *Diod.* XX. 25. 2–3; подробнее см. Gajdukevič. Op. cit. S. 343.

середину I в. н.э.³⁴ Это показывает, что Митридат Евпатор, его наместники и преемники на Боспоре, имели в этом регионе довольно прочные позиции, в том числе и среди местного населения. А это обстоятельство позволяет допустить, что его сын Махар вполне мог построить в этой части Боспорского царства резиденцию и назвать ее собственным именем.

Основание Махары на юго-востоке Боспора и, очевидно, частое пребывание в тех местах Махара, наместника царя Понта, способствовали превращению соседних ахейцев и гениохов в союзников Митридата Евпатора (App. Mithr. 69). В то же время усилилась эксплуатация материальных ресурсов богатой хлебом Синдики, издавна бывшей житницей боспорских правителей. Махар помогал хлебом Синопе, осажденной римлянами в 71 г. до н.э. (Memn. 54; Plut. Luc. 24; Liv. Per. 98), Гераклее Понтийской, также выдерживавшей в это время осаду римскими войсками (Memn. 49), своему отцу, который, разбитый под Кизиком в 72 г. до н.э., плыл из Синопы в Амис (App. Mithr. 78). Уже после своей измены в 71 г. до н.э. Махар, стремясь заручиться расположением Лукулла и римлян, отослал им запасы продовольствия, предназначавшиеся для понтийской армии (Memn. 54). Не вызывает никаких сомнений, что львиная доля этих припасов могла поступать из азиатского Боспора, наиболее богатого его, Махара, теперь самостоятельного правителя, домена. Господство на царской хоре, в особенности на Северном Кавказе, чрезвычайно усилило позиции сына понтийского царя, и он решил, что, имея столь богатые земли, сумеет откупиться от римлян и остаться правителем Боспора. Все это было возможно потому, что Махар прочно там закрепился, особенно в Синдике после основания Махары, и в соседней Колхиде, включая области ахейцев и гениохов. Неслучайно, что еще в 70 г. до н.э. он помогал бывшим митридатовским кондотьерам в Синопе и Амисе, отправлявших ему свое тайно вывозимое имущество (Memn. 53).

Когда в 65 г. до н.э. Митридат Евпатор отступил из Диоскуриады на север через земли зигов, ахейцев и гениохов, стремительно пройдя доселе непроходимые κλειθρα Σκυθῶν – узкие кавказские ущелья, которые вели на север к Синдике и Меотике, Махар поначалу послал к нему послов с извинениями и объяснениями своего предательства. Но, узнав о гневе отца, он бежал в Понтийский Херсонес, предав сожжению корабли, чтобы царь не мог его преследовать. Когда же Митридат отправил за ним другие корабли, то Махар покончил жизнь самоубийством (App. Mithr. 102).

Эти события произошли в то время, когда царь Понта двигался через области ахейцев и гениохов к Синдике и приближался к юго-восточным границам Боспора. Именно отсюда Махар отправил к отцу послов и вскоре получил их ответ

³⁴ Об укрепленных поселениях-катоикях между Горгиппией и Батами, составлявших отдельный укрепленный район см. Крушкова Ю.С. Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 219; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 52; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. 1982. № 2. С. 106–119; Saprykin S.Ju., Maslennikov A.A. Bosporan Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors // ACSS. 1995. Vol. 2. Fasc. 3. P. 279–281; Вязкова О.Е., Дмитриев А.В., Малышев А.А. Поселение Мысхако – юго-восточный форпост Боспора // ПИФК. 2001. X. С. 188–213; о находках бронзовых вещей на поселениях Мысхако, Широкая балка см. Treister M.Ju., Dmitriev A.V., Malyshev A.A. A Bronze Statuette of an Hellenistic Ruler from the Excavations at Myskhako Settlement Near Novorossiisk // Eurasia Antiqua. 1999. Bd 5. P. 487–500.

о гневе на него царя. Значит Махар в тот момент находился в Синдике, надо полагать, в собственной резиденции Махаре. Очень обоснованной выглядит в данной связи догадка Д.Б. Шелова, что слова Аппиана и его источника ἑφευθεν ἐς τὴν ἐν τῷ Πόντῳ χερρόνησον относятся не к бегству Махара в Херсонес Таврический, как считали ранее, а указывают на его поспешное отбытие в Восточную Таврику, в древности называвшуюся также Скалистым Херсонесом, тогда как Крымский полуостров именовался просто Херсонесом или Большим Херсонесом. А свою смерть Махар нашел в столице Боспора Пантикапее³⁵. Все это повышает шансы считать, что резиденцией Махара на азиатской стороне Боспора могла быть основанная им крепость Махара (которую поздние источники по традиции именовали *civitas*).

Отсутствие Махары в более поздних периплах и землосписаниях Понта можно объяснить тем, что она, очевидно, получила затем другое название. Ведь Митридат жестоко расправился с изменниками из окружения своего сына, а тот покончил жизнь самоубийством. Но в источниках о митридатских войнах, жизнеописаниях самого Митридата и периплах, составленных на рубеже нашей эры, данное название могло еще сохраняться, откуда оно и было, вероятно, заимствовано источником автора перипла у Равенского Анонима и с искажением у автора карты для Певтингеровой таблицы.

Завершая наше исследование, хотелось бы вкратце остановиться на том, что и после Митридата Евпатора его политика по основанию новых городов была активно подхвачена преемниками, причем как в самом Понте, так и, что особенно показательно, в Боспорском царстве. В Понтийской Каппадокии при Полемонидах, очевидно в правление Полемона II, на месте бывшего митридатского укрепления Сиды, переданного затем Помпеем Амису, был основан город Полемониум (Arr. Per. 16; Plin. VI. 11; Anon. Periopl. 30; Ptol. V. 6. 4; Amm. Marc. XXII. 8; Tab. Peut.; Rav. Anonym. V. 10)³⁶. Но если в Понте это делалось для разрушения бывшей царской хоры и военно-хозяйственных поселений-катокий Митридатидов, то на Боспоре, наоборот, новые укрепления строились для усиления царских позиций на хоре. Особенно преуспели в этом преемники Митридата VI – Фарнак, Асандр, Динамия, Аспург, Митридат VIII, а также цари из династии Тибериев Юлиев – от Котиса I до Савромата II. При них почти вся сельская периферия покрылась сетью укрепленных поселений, служивших им опорой на хоре и противостоявших агрессивным варварам – скифам, сиракам, сатархам, аорсам и особенно аланам, появившимся на Боспоре уже в 80-х годах н.э. В этой связи интерес вызывают два топонима у Космографа, прежде нигде не упоминавшиеся, – *Asandi* и *Sanabatin*, расположенные в его тексте рядом друг с другом между Акрой и Китеем на европейской стороне Боспорского государства (Rav. Anonym. IV. 3). Л. Диллеманн объединяет первое из этих названий со следующим *Asandi + Cita* в одно и сопоставляет с *Sindesae* в Tab. Peut. IX. 1, полагая правильным отбросить начальную *A*; А.В. Подосинов, напротив, считает топоним образованным от названия упоминаемой Стефаном Византийским деревушки-комы Ἰσσοῦ в Скифии (Steph. Byz., s.v.)³⁷.

³⁵ Шелов, Махар... С. 71; ср. *Gajdukevič*. Op. cit. S. 319. О названии Керченского полуострова как «Скалистый Херсонес» см. *Hind G. Herodotus Geography of Skythia: The Rivers and the «Rugged Peninsula» // Причерноморье в VI–V вв. до н.э.: письменные источники и археология. Тбилиси, 1990. С. 133, 134.*

³⁶ *Weimerl*. Op. cit. S. 108; *Olshausen, Biller*. Op. cit. S. 159; ср. *Besmier M. Lexique de Géographie ancienne*. P., 1914. P. 615; *Сапрыкин*. Понтийское царство. С. 337.

³⁷ *Подосинов*. Ук. соч. С. 256; *Dillemann*. Op. cit. P. 91.

Обе точки зрения представляются сомнительными. Во-первых, Asandi находился на Боспоре, а не в Скифии, во-вторых, оба топонима различаются по сонантам; в-третьих, Cita – это Китей, город на Керченском полуострове, а Sindaes-Sindica располагалась на азиатском Боспоре и никакого отношения к Китею не имела. Единственное решение относительно происхождения данного названия может быть найдено, если связать его с именем боспорского царя Асандра, правившего в 45–17 гг. до н.э. Тогда Asandi > Ἀσάνδ(ρ)ί(α) – город или укрепление, основанное Асандром на европейском Боспоре и оттого получившее его имя (Ἀσάνδρος > Ἀσάνδ(ρ)ί(α), искаженная в латинской транскрипции как Asandi). Вероятность основания царем Асандром города или крепости, названного в его честь, повышается постольку, поскольку этот правитель проводил интенсивную политику строительства укрепленных поселений на европейском Боспоре, строил оборонительные сооружения на Керченском полуострове. Укрепление царской хоры, возведение валов и рвов в Восточном Крыму было вызвано угрозой со стороны его противника Фарнака II, наступавшего на Пантикапей из Феодосии, а также опасностью вторжения крымских скифов, поддержавших Фарнака после возвращения того на Боспор из понтийского похода для свержения мятежного Асандра (App. Mithr. 120). Обороноспособность Боспора с опорой на царские укрепления и крепости, созданные еще при Митридате Евпаторе и Фарнаке, сыграла свою роль и при отпоре вторжению Митридата Пергамского, посланного Цезарем для уничтожения Асандра. К тому же Асандр стремился усилить свои позиции в Таврике и пытался захватить Херсонес Таврический (Const. Porphyg. De adm. imp. 53). Строительство и реконструкция крепостей на азиатском Боспоре, в частности системы так называемых Батареек на Тамани, а также аналогичных по характеру укреплений в окрестностях Горгиии и Бат, были вызваны опасностью вторжений сарматов, поддерживавших поначалу Фарнака, а впоследствии представлявших угрозу греческим полисам царства³⁸. Угроза по-прежнему исходила и от ахейцев, пиратствовавших на морских и сухопутных путях к Боспорскому царству. В дальнейшем укрепление царской хоры стало основным делом Асандра, ибо помогало ему отстаивать свой трон от происков римлян, пославших для его свержения Скрибония, а потом оказавших поддержку притязаниям на трон супруги его Динамии³⁹. Поэтому митридатовская политика градостроительства одновременно с предоставлением некоторой доли самостоятельности полисам и строительством катойкий на царской земле, проводившаяся Асандром, вполне могла выразиться также и в основании Асандрии, одной из царских крепостей на царской хоре европейского Боспора. К сожалению, точная локализация ее пока невозможна, это могло быть одно из крупных укрепленных поселений в пределах территории, от-

³⁸ О строительстве Асандром укрепленных поселений и оборонительных валов см. *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 138; *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 89–108; *Голстиков В.П.* Незданные страницы истории Боспорского царства // *Археология и искусство Боспора. СГМИИ.* 1992. 10. С. 41–57; *Масленников.* Эллинская хора... С. 179–181; *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 88, особенно С. 177–203; *он же.* Аспург, царь Боспора // *ДБ.* 2002. 5. С. 207–223.

³⁹ *Сапрыкин С.Ю.* Уникальный статер боспорской царицы Динамии // *СА.* 1990. № 3. С. 208 сл.; *Карышковский П.О., Фролова Н.А.* К истории правления Асандра на Боспоре // *Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы.* Кишинев, 1990. С. 89–100; *Браунд Д.* Царь Скрибоний // *Боспорский феномен.* СПб., 2004. I. С. 81–87.

граниченной Узунларским валом, укрепленным, кстати, также в правление Асандра⁴⁰.

Что касается названия Sanabatın, то с некоторой долей осторожности можно выдвинуть предположение, что это сильно искаженное Σαυρομάτ(ε)ιον – название одного из крупных укрепленных поселений на Керченском полуострове, ставшее известным благодаря надписи CIRB. 970: [εὐ]εργέτ[ην] τῆς βασι[ι] / λείας ἑαυτὸν παρέχ[ων] τὴν [π]όλιν ἐκ / [θεμελίων ἀνήγει]ρεν, ὄνομα αὐτῇ / [θεμενος Σαυρ?]ομάτειον – «являя собой благодетеля царства, построил город от основания, дав ему название Савроматий». Надпись найдена в районе Узунларского вала, на городище Новониколаевка, которое и отождествляют с Савроматием (площадь 2 га). По палеографии надпись датируется концом II – началом III в. н.э., и материал из исследованных археологически слоев городища соответствует этому периоду (самые поздние находки относятся к середине – третьей четверти III в. н.э.)⁴¹. Высказывалось мнение: городище основано в правление царей Савромата II или III, что подтверждает палеография надписи. Однако нельзя исключать, что поселение могло быть построено еще при Савромате I, поскольку археологические раскопки на городище проводились лишь эпизодически, площадь их была ограничена, поэтому слои более раннего периода просто не выявлены. А ведь этот царь осуществлял активную градостроительную политику, возводил новые и ремонтировал старые стены в городах, возродил систему разрушенных крепостей на азиатском Боспоре и, очевидно, делал то же самое на европейской его стороне⁴². Попытка Л. Диллеманна увязать Sanabatın с Cannate в Tab. Peut. VIII. 2⁴³ малоубедительна, поскольку и на глаз заметна огромная разница между этими названиями, не говоря уже о том, что народ cannate локализуется на азиатской стороне Боспора Киммерийского, а Sanabatın – на европейской. Sanabatın > Sauromation? располагался рядом с Асандрией, если верить периплу Равеннаты. Так что оба города или скорее поселения-катоикки вместе с Узунларским валом и европейским Киммериком служили опорными пунктами системы обороны на Керченском полуострове.

Таким образом, «Космография» Равеннского Анонима является уникальным источником по топографии и исторической географии Боспора, поскольку восходит к какому-то недошедшему до нашего времени местному источнику, описывавшему территорию Боспорского государства на рубеже нашей эры. В нем сохранился ряд уникальных названий городов и поселений, которые более нигде не упоминаются, но вполне соответствуют проводившейся местными правителями политике основания новых городов и укрепленных поселений типа катоикки. Причем такую политику боспорские властители проводили уже начиная с IV в. до н.э., когда была основана Горгиппия и названа в честь одного из Спартокидов – Горгиппа. Впоследствии ее активно осуществляли при Митридате Евпаторе и его преемниках.

⁴⁰ Масленников А.Л. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003. С. 208.

⁴¹ Масленников. Эллинская хора... С. 254.

⁴² Сапрыкин С.Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II в. н.э. // ВДИ. 2005. № 2. С. 42–81.

⁴³ Dillemann. Op. cit. P. 91; Подосинов. Ук. соч. С. 256.

NEW MITHRIDATIC KATOIKIA AT BOSPORUS

S. Yu. Saprykin

The article is devoted to the analysis of the evidence about a settlement Machara–Machare in the Ravenna Anonymous Periplus. This geographical work, written in the Middle Ages (7th–8th cc. AD), gives a long list of place names of the North Black Sea Coast mentioned in many other geographical and historical texts. But some of the names are to be found only in this source, and this is the case with MACHARE–MACHARA. Some attempts were made to connect this name with different places, mostly around Olbia. The author of this article puts forward many arguments in favour of connecting it with the settlement founded by Machares, son of King Mithridates Eupator, at Bosporus where he was governor in 80–68 BC before his treason during the 3rd Mithridatic war. This settlement could have been founded in Sindica close to the border with the savage tribes of the Caucasus who were living between Bosporus and Colchis, where prince Machares also ruled. Construction of the site at Bosporus under Mithridates was due to the policy of this king, who built new forts and fortresses, as well as cities, on the periphery of his kingdom. The new Bosporan settlement was presumably of katoikia-type, common for the Hellenistic practice of founding new cities and settlements.